

«Чёрное небо», нищета и коррупция: Алексей Карнаухов о проблемах Бурятии. Интервью Бабра

Журналист Бабра побеседовал с Алексеем Карнауховым – известным общественным деятелем и активистом из Бурятии, который много лет участвует в протестных движениях региона. В новом интервью мы обсудили широкий спектр актуальных тем: от веры жителей в возможность влиять на судьбу республики и протестов 2019 года, до проблем экологии, коррупции и бедности.

Алексей Валерьевич поделился также своим взглядом на газификацию Бурятии, уделив особое внимание проблеме «чёрного неба» и энергетическому сектору. Разговор получился местами откровенным и насыщенным конкретными примерами из жизни региона и личного опыта собеседника.

Политика и протесты

– Алексей, начнём, пожалуй, с глобального вопроса. Вы много лет в протестной и общественной среде Бурятии. Как вам кажется, люди в регионе сегодня вообще верят, что могут на что-то влиять?

– Думаю, да. Но люди разные: кто-то верит, кто-то нет, кто-то уже уехал из Бурятии или России, кто-то пытается что-то делать. Кто-то опускает руки, но всё равно действует. Спектр очень широкий. По каждой конкретной проблеме есть своё решение и отношение людей к ней.

– После протестов 2019 года в Улан-Удэ, в которых вы принимали непосредственное участие, прошло уже несколько лет. Что-то изменилось, на ваш взгляд? Стала ли власть осторожнее или, наоборот, окончательно перестала слышать народ?

– Сформировалось поколение людей, которые сделали свой выбор. Условный силовик понимает: если он перестанет выполнять приказы, неважно, законные или незаконные, то завтра сам окажется в той толпе, которую сегодня разгоняет дубинкой. Таких людей много, и это показатель того, что люди дают свою оценку ситуации – «всё плохо».

Возникает своего рода «лагерная» психология: пусть я сдохну завтра, но ты – сегодня. Это происходит, несмотря на влияние местных религиозных конфессий (буддизма, православия, старообрядчества, шаманизма), которые учат добру.

Многие строят своё благополучие ценой благополучия соседей.

– Почему протест 2019 года в итоге не превратился в устойчивую политическую силу?

– Тогда люди отреагировали на конкретную проблему: вышли на площадь, выразили протест. И на этом всё закончилось. Но социальный взрыв в будущем неизбежен из-за сложной экономической ситуации.

Мы до сих пор эксплуатируем инфраструктуру советской эпохи – теплосети, электросети, водоснабжение. Всё это постепенно выходит из строя, а замены нет. К тому же проблемы вроде ситуации с ТГК-14 затягиваются из-за коррупции, мы лишь оттягиваем неизбежное.

–
То

есть сила не угасла, а превратилась в некую пороховую бочку?

– Да, потенциал есть. Люди, которые сейчас не готовы протестовать из-за нечестных выборов или ущемления прав, выйдут на улицы, когда столкнутся с элементарными бытовыми проблемами: пустыми холодильниками и высокими ценами. Это может запустить самые негативные сценарии. Вплоть до мародёрства.

При этом сегодня легче манипулировать людьми, так как выросло поколение, которое из-за низкой критической грамотности проще поддаётся влиянию. Достаточно указать «врага» – и толпа пойдёт за ним.

К тому же роль играет и информационное поле: сейчас создать и распространить дезинформацию намного проще, чем раньше. Фейковые видео и ложные данные генерируются быстро и выглядят убедительно. Это усиливает риски неконтролируемых реакций общества.

– **Давайте перенесёмся на два года вперёд. 2021 год. После акции «Похороны выборов», организованной совместно с Натальей Семёновой, вы забрали гроб себе. Что для вас значил этот жест и где «гроб» сейчас?**

– Наташка – преподаватель в БГУ, криминалистику ведёт. У неё даже лицензия на работу с полиграфом есть: сама датчики подключает и вопросы задаёт. Вот так мы с ней и познакомились, через местную газету. Меня тогда позвали в «Информ Полис», чтобы, как они выразились, «разоблачить мои коварные замыслы». Задавали кучу вопросов, а потом ответы печатали с едкими комментариями. А Наташа как раз помогала им с этой историей.

Идея нашей акции возникла спонтанно, был диалог в духе: «А давай?», «Ну, давай!». Но я думал, это будет фотосессия как символический жест. И совсем не ожидал, что будет гроб. Наташа пришла в чёрной вуали. Я тогда стоял рядом и смеялся. Нам, кстати, попытались приписать организацию митинга, но мы к тому моменту уже спокойно ушли.

Гроб я забрал в офис, потом перевозил с места на место и в итоге выбросил. Всё-таки это была обычная картонная коробка. Внутри была фотография: кто-то из участников нарисовал изображение по мотивам предвыборной кампании.

По сути, мы не закладывали никакого глубокого смысла в это. «Похороны выборов» – это просто знак, что честные выборы закончились, мы их символически хороним. Постояли, поплакали на площади – и всё.

Многие общественники со временем либо уходят в партии, либо исчезают из повестки. Как вы сами сейчас себя определяете? Сотрудничаете ли с кем-то из партий?

– Я существую вне партий, хотя был руководителем партий «Зелёные» и «Гражданская инициатива», помогал КПРФ, «Справедливой России» и другим. Сейчас сотрудничаю против партии «Единая Россия» и с теми, кто по пути. Партия для меня – инструмент для достижения конкретной цели, а не самоцель. Например, если взять тему «не дать продать Байкал», тогда я сотрудничаю с теми, кто за неё.

– Считаете ли вы партийную политику мёртвой?

– Партийная политика не мертва, но должна быть частью надпартийной идеологии, объединяющей общество. Всё зависит от цели.

Экологические проблемы и их связь с бедностью

– Главная проблема Бурятии сегодня – экономическая или управленческая?

– Главная проблема – политическая. Система построена так, что люди с высоким уровнем комфорта заинтересованы в сохранении коррупционной схемы хищнической разработки ресурсов. Управленческие проблемы есть, но корень находится в политике. Например, нет очистных сооружений, хотя деньги на это выделялись. При этом никто не наказан. Это отражается на экологии и жизни людей.

– Вы не раз акцентировали внимание на теории, что проблемы с экологией в регионе являются

следствием бедности. Поясните, что вы под этим подразумеваете.

– Экологические проблемы связаны с бедностью и бескультурьем. Это и повсеместные несанкционированные свалки: отойди чуть подальше от дороги и увидишь зародыши будущих свалок. И коррупция, которая расцветает на фоне нехватки ресурсов.

Ярким примером второго служит дело бывшего министра экологии Сергея Матвеева – человека, который не дал украсть 500 миллионов рублей из средств на ликвидацию усть-баргузинской свалки. Сначала административную ответственность сменили на уголовную, затем Матвееву запретили занимать должности. По сути, его убрали за то, что он сломал преступную схему.

Сергей Матвеев

– Власти тоже часто ссылаются на то, что «экология – это дорого». Но разве для них же самих постоянные болезни населения и деградация городской среды не обходятся ещё дороже? Последствия, как правило, устранять сложнее.

– Если кто-то так говорит (про дорогую экологию), значит, он не на своём месте. На самом деле болезни, связанные с плохой экологией, обходятся дороже: растут расходы на лечение болезней, снижается качество жизни людей, страдает экономика. Достаточно посмотреть на опыт других стран. В Японии, несмотря на дефицит ресурсов, реализуют масштабные экологические программы, а в Китае после периода индустриального роста запустили государственную инициативу «Великая зелёная стена» – масштабную кампанию по озеленению. Монголия тоже активно действует, там стартовала программа по высадке миллиарда деревьев. У нас же ключевой барьер – отсутствие политической воли. Те, кто мог бы решить проблему, бездействуют. Как житель региона и гражданин России я считаю, что имею право задавать эти вопросы и требовать ответов, а не сталкиваться с игнорированием или репрессиями.

– А какой экологический вклад вносите лично вы как рядовой житель Бурятии?

– Лично я участвую в уборках, посадках деревьев, привожу с собой детей, участвую в экологических группах и акциях. Я бы назвал это воспитанием экологической сознательности и патриотизма.

«Чёрное небо» и газификация

– К слову, об экологии. В апреле вы приняли участие в проекте «Будка гласности» от «Зелёных». В нём

затронули одну из самых наболевших проблем Бурятии – «чёрное небо». На ваш взгляд, почему эта проблема не решается?

– Проблема «чёрного неба» тоже находится в политической плоскости. Она не решается, потому что её решение требует именно политических решений, на которые власти не готовы. Газификация региона – очевидный путь, который снизит загрязнение воздуха, сделает отопление дешевле и безопаснее для здоровья. Но вместо строительства газопровода в регионе продолжают эксплуатировать угольные котельные и устаревшие технологии. Почему? Потому что крупные инфраструктурные проекты связаны с коррупционными рисками и перераспределением финансовых потоков. В итоге жители Бурятии расплачиваются за это бездействие своим здоровьем.

Может ли такое быть, что кому-то выгодно старая угольная система?

– Конечно. Система выстроена так, что уголь проходит через посредников и становится «золотым» по цене. Воровство и коррупция выгодны тем, кто контролирует эту схему. Новые технологии, например тепло земли, не внедряются, потому что сложно украсть. Система не хочет меняться, и это приведёт к неизбежному краху.

– Как вы оцениваете разговоры о газификации Бурятии? Это реальный план или политическая уловка?

– Да всё это политическая замануха перед выборами, честно говоря. Технически это возможно, но власти не делают этого. Мы требуем годами, но наши проблемы их не волнуют, у них другие приоритеты.

Слушайте, да пусть даже украдут, ну сколько там, миллиард, два? Но газопровод-то пусть построят. Пусть хоть что-то останется нам: чтобы дышать стало легче, чтобы зимой не мёрзнуть в этом «холодильнике», который размораживается на четыре месяца в году.

Почему в центральной России, где тепло полгода, газ есть, а у нас, где зима восемь месяцев, его нет? Почему из Бурятии вывозят уголь, золото, всё подряд, а мы, кроме головной боли, ничего не получаем? Речь идёт о наших жизнях, о нашем уровне жизни. Ощущение, что мы не в одной стране живём.

– Если завтра Бурятия действительно получит газ, что должно меняться в первую очередь: частный сектор, котельные, ТЭЦ?

– Сначала нужно модернизировать ТЭЦ: одну или две, сколько потребуется. Потом – котельные. Возможно, не стоит подводить газ к каждому дому, особенно малоэтажному, это нужно решать индивидуально. Главное,

начать движение в этом направлении.

Социальные проблемы и «Трезвая Бурятия»

– Если убрать большую политику и посмотреть на простой быт людей, какая социальная проблема Бурятии сегодня самая тяжёлая и, возможно, недооценённая?

– Бедность населения, которая граничит с нищетой. Это связано в первую очередь с неправильным распределением ресурсов, которых у нас много.

Например, представьте машину, гружённую нефритом. Это фактически машина, гружённая деньгами. Но куда эти деньги уходят? Не в карманы жителей Бурятии. В результате местным остаются лишь экологические проблемы и низкий уровень жизни.

Люди вынуждены уезжать в соседние регионы, Москву, Санкт-Петербург или даже за границу, потому что здесь нет достойных зарплат и перспектив. Мы выпускаем специалистов в сельскохозяйственной академии, но до недавнего времени продукты питания везли из-за рубежа. Посмотрите вокруг: стоит отойти от центра города, и вы увидите потрескавшийся асфальт, отбитую плитку, ветшающие фасады зданий.

Возникает закономерный вопрос: когда мы начнём жить по-настоящему, а не выживать? И кто несёт ответственность за то, что ситуация остаётся такой годами?

– Вас называют лидером движения «Трезвая Бурятия». Что для вас оно значит сегодня: это борьба с алкоголизмом, который нередко является следствием бедности, общественное движение или попытка вернуть людям чувство нормальной жизни?

– Это всё вместе. Раньше это была официальная организация, сейчас – неформальная тусовка здорового образа жизни. Мы объединяем людей, которые поняли, что алкоголь – это яд, и сотрудничаем с религиозными конфессиями, распространяя идеи трезвости без политической привязки. Это попытка вернуть людям нормальную жизнь и альтернативу вредным привычкам.

– У многих общественных движений со временем появляется политическое продолжение. Не была ли «Трезвая Бурятия» для вас способом собрать вокруг себя активных людей и постепенно превратить это в политический ресурс?

– Нет, тогда и сейчас для меня это не политический проект. Были попытки создать националистическую

трезвенническую организацию, но это отдельная история. Мы просто создаём среду для тех, кто хочет жить иначе.

Май 2025-го, архив
Бабра

– У вас репутация жёсткого оппозиционера. Но возможно ли сегодня вообще заниматься региональными проблемами вне политического конфликта?

– У меня нет принципиальной позиции против власти или силовых структур, я готов сотрудничать с кем угодно, если это поможет решить конкретные проблемы региона. Даже с теми, с кем раньше был в оппозиции, я готов работать плечом к плечу, если они меняют позицию ради общего блага.

У меня также нет классовой ненависти ни к полиции, ни к другим органам власти. Я считаю, что все эти институты должны служить обществу: ловить преступников, бороться с коррупцией, защищать граждан, а не «преследовать бабушек на митингах».

Я вырос в Советском Союзе и помню, что нас учили быть частью большой системы, которая приносит пользу обществу. Нас воспитывали так, чтобы мы были готовы трудиться на благо страны, а порой и жертвовать собой ради общего дела. Сегодня, к сожалению, ценности изменились. Но я по-прежнему считаю: власть и силовые структуры должны работать на людей, а не против них.

– Вы сами участвовали в выборах мэра. Если представить, что вам дали реальные полномочия влиять на политику Улан-Удэ, какие решения вы бы приняли первыми?

– В первую очередь я бы активизировал работу экспертного совета. У нас полно людей – настоящих профессионалов в своём деле. В дорожном строительстве, в ЖКХ, в городском хозяйстве. Это же ресурс, который мы теряем!

Затем навёл бы порядок с кадрами в самой мэрии. Это возмутительно, когда ко мне приходят знакомые и говорят: «Пришёл в мэрию, а там никто не понимает, о чём я говорю». Как так? В городе нет специалистов по городскому хозяйству? Да быть такого не может, они есть, только их не зовут. Мэр города – бухгалтер. За какие заслуги он стал мэром? Видимо, человечка когда-то за что-то поймали – теперь у кого-то есть свой ручной мэр.

Фото: Евгений Коноплёв/«Информ Полис», Т.Родионова/«Информ Полис», «Байкал-Daily», russianstock.ru, «Номер один»

Автор: Есения Линней © Babr24.com ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, ЭКОЛОГИЯ, БУРЯТИЯ 63 17.06.2026, 00:40

URL: <https://babr24.com/?IDE=293149> Bytes: 15596 / 14642 [Версия для печати](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [Джем](#)
- [ВКонтакте](#)
- [Одноклассники](#)

Связаться с редакцией Бабра в Бурятии:

bur.babr@gmail.com

Автор текста: **Есения Линней**,
научный обозреватель.

На сайте опубликовано **1359**
текстов этого автора.

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](https://t.me/babr24_link_bot)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](https://t.me/bur24_link_bot)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](https://t.me/irk24_link_bot)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](https://t.me/kras24_link_bot)

эл.почта: kraasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](https://t.me/nsk24_link_bot)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](https://t.me/tomsk24_link_bot)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](https://t.me/babrobot_bot)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)